

Теплову и Ван Гог не соперник

ПРОЩАНИЕ С ВЫСТАВКОЙ

О подсолнухах со своей картины «Праздник урожая» Валерий Теплов говорит: «Лидины». Тогда они еще буйно росли у Тепловых на огороде, так что об «урожае» автор не ради красного словца обмолвился.

Лида Теплова, Валерию жена и муза, сажала их в память о своем украинском детстве. Когда увидела, что выше забора вымахали, только руками всплеснула: – Пора урожай собирать.

Выходит, Ван Гог, великий певец подсолнухов, воспитаннику Строгановки Валерию Теплову не соперник. До столь смелой мысли дозрели мы, кружа вместе с автором по персональной выставке его живописи «Родное и близкое», – сегодня встречей с Тепловым коллегой и поклонником в залах Ярославского отделения Союза художников РФ она закраивается.

Из собственного огорода, можно сказать, у Валерия Васильевича не только подсолнухи. И нежная, легкая, почти невесомая сирень, и пионы на его натюрмортах – свои. Пионы величает он «Гордыми». Такие они и под его кистью, прямостоящие, мохнатые, как бы от росы или дождя влажные и – будто светящиеся изнутри.

От картины с большим кованым сундуком, давшей название

всей выставке, отходить не хочется еще дольше, чем от натюрмортов с пионами и сиренью.

Все, что мы на этом холсте видим, собрано Тепловыми по заброшенным избам и сараюхам бывшей Шереметевской графщины. Там, в Обдюхове, не так давно купили они дом. Деревенский, да не простой. Трехэтажный, из большемерного кирпича с маркой «ЗГШ» – «Завод графа Шереметева». Третий, самый светлый, в шесть окон этаж срублен из лиственницы – не гниет и древоточца не боится.

Простому крестьянину такой теремок было не потянуть. Теплов предполагает, что жила там когда-то семья управляющего заводом. Ездил на службу, а кормились, видимо, с поля и огорода. Валерий сам пришел к такому выводу, когда однажды на стенке над кроватью ему попалась на глаза чудом уцелевшая карандашная записка: «Левый овин, 16 мер овса».

Стало быть, тот сундук, привезенный из Верхнего Устюга и полученный в подарок от приятеля,

фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

ля, в мастерской Теплова тоже у себя дома. А тем более на холсте, в окружении крестьянской утвари. Железо обивки сундука, смотрим, с угла помято, лыко и береста коробов зело потерты, как и доска стирального рубеля. Стекло бутылей (уж не шереметевских ли времен?) потемнело, медный чайник с лебединым носком, кажется, насквозь прозеленел от патины.

Видавший виды Теплов знает все правила игры и, чтобы старое не смотрелось на холсте раскидистой липой, набрасывает на короб ослепительно красную, откровенно бутафорскую накидку. Так виднее, где что и что из

чего. Вот дерево – настоящее! А это медь, а тут стекло. Бутыль прозрачная, она бликует, но совсем не так, как сухая чешуя копченых лещей на стене. Смотришь на разлапистых рыбин, и тянет на пиво. По чайнику хочется позвенеть ногтем, как когда-то в мастерской Валерий Теплов по стенке его поднятого на свет реального прототипа:

– А ведь живое!

Тот самый или очень похожий чайник попал и на другую, важную для автора картину – «Лестница в небо». На ней видим мы лестницу дома в Обдюхове, щелястые ступени и перила, охапки сухих трав, некрашенные

стены, высланный на лестницу из передней отслуживший свое венский стул.

К небу, это куда? Чтобы не задавать автору неделикатных вопросов, поищем, нет ли ответа на самой выставке. На одной из картин написана верхняя светелка с открытым в лето красное окно, вся в солнечных бликах. На другой картине, названной строкой молитвы «Господи, прости мя», – в парадном углу той же верхней комнаты под иконой на столике среди старых книг в предвечернем сумраке горит свеча.

А может быть, ответ на вопрос, куда ведет лестница, дают высокие небеса лучших тепловских пейзажей – «Листопад», «Церковь святой Анастасии» или «Ромашковый луг перед грозой». На том лугу живописец прозрачными мазками лопаткой-мастехином, легкими касаниями тонкой кисти ловил (и поймал!) в травяное пестроцветье самое неуловимое, что есть на свете, – ветер.

Тут уж и сам автор совсем как-то по-есенински дал волю чувствам:

– Стоишь посреди такого луга, руки за голову. Щуришься от небесного голубого шелка. Слушаешь колоколец жаворонка. Чувствуешь, что – живешь!

У планшета во всю торцевую стену с рисунками внуков наш гид берет слово в двойной роли деда-искусствоведа. Старшего,

одиннадцатилетнего Антона, ученика школы искусств, имея в виду его «Сосны, освещенные солнцем» и полотно историческое «Утро в древнем Ярославле» с запряженной в сани лошадкой мохноногой, мэтр удостоил лишь краткой реплики: «Этот у нас по-суровой».

Семилетнего же Тимофея похвалил за фантазию. Впервые возили ребят на Новый год в Санкт-Петербург. Вот уже месяца четыре по тем впечатлениям Тимофей все рисует и рисует некий «Солнечный город» со сказочными дворцами и башнями, горбатыми мостами и похожими на них разноцветными радугами.

Напоследок вместе с Валерием Васильевичем полистали плотно исписанную книгу отзывов. Свои автографы в ней кто только не оставил – городские разночинцы, коллеги и друзья Тепловых, иногородние туристы, местные студенты и детдомовцы и даже некто Сэм из общества друзей русских сирот. Мы попросили художника найти лучший на его вкус отзыв.

Он прочел вслух вот такой, безымянный: «Ваши картины перенесли меня в тот мир, где мне было очень хорошо, в мир детства, которое прошло в деревне. И эти избы, деревья, дороги, луга – как будто именно те, что я видел тогда. Очень-очень все живое и до боли близкое. Спасибо вам!».

Юлиан НАДЕЖДИН.